

У ШОЛОХОВА

Шолохов не одобрял интереса к своей личности, не любил фотографироваться или как-то иначе «документировать» жизнь, не берет архива. «Не пойте меня в музейную сень» — была сердитая у него на сей счет приговорка.

Когда в порядке музейной самодеятельности Крутилинский союз восстановил дом, где писатель родился, поглядеть захотели многие, а Шолохов — нет. Как ни звали, не приехал, хотя от Вешенской туда подать рукой.

Объясняя это одной скромностью было бы, конечно, упрощением. Но Шолохов, заметив, упростили слишком часто, особенно из Москвы глядя, о чем хорошо сказал когда-то Василий Шурин. А между тем строгое молчание насчет себя прямо выводит из шолоховского творчества. Он был художник эпический, летописец прежде всего, честный свидетель, что, разумеется, не мешало ему как человеку участвовать в описываемых событиях. Но в книгах своих он оставлял нас с жизнью один на один, без посредника.

Интересен не автор, а прошедший через него мир — из этого исхода, великий писатель держал себя в литературе.

И вот мы говорим: пришло время осознавать Шолохова лично. Удивительно, но до сей поры не обдуман тот многозначительный факт, что в его биографии было три (!) смертных приговора. Страницы шолоховской жизни вообще прочтены выборочно и небрежно. Многие ли знают, например, что на фронте он перенес тяжелейшую контузию при падении самолета, чудом не погиб?

Долгие годы он был на виду, в спелом свете юпитеров, а они имеют коварное свойство искажать. И на поверку выясняется, что известный «рабочий кабинет» в Вешенской, многожды снятый на фото- и киноплёнку, никогда рабочим не был. Шолохов писал в другой комнате, и там его не фотографировали никогда. Подробности, согласитесь, характерны.

Будем помнить также, что важная тема — Шолохов и коллективизация — была до последнего времени наглухо закрыта для исследования. Кстати, обнаруженные теперь письма писателя к Е. Г. Левицкой, а также воспоминания Петра Луговского подводят нас к мысли, что именно опыт 30-х годов нашел глубокое воплощение в «Тихом Доне», четвертой книге романа.

Шолохов — Сталин — Хрущев — Брежнев —

разбор этой линии, кроме прочего, помог бы уяснить общественные и эстетические взгляды писателя, часто полемичные, увы, в угоду политической минуте. Надо полагать, здесь нас ждут неопределенности. К примеру, из дневника А. Ахматовой мы узнали недавно, что в 1940 году Шолохов ставил на Сталинскую премию тот самый сборник «Из шести книг», который вскоре был запрещен и выброшен из библиотек. Только заступничество Шолохова позволило завершить закрытое было после войны (боролся с неприятием!) полное собрание сочинений Л. Толстого. Подобных фактов открывается немало, но они не укладываются в сложившееся представление, и потому мы не очень запомним.

Бразды со сменой идут и предлагаемые воспоминания. Достоверность этого свидетельства, принадлежащего близкому человеку, младшему сыну, очевидна. Нам не известны другие публикации со столь развернутыми суждениями Шолохова по ключевым вопросам недавней истории. Полностью эти воспоминания будут напечатаны в журнале «Дон».

Александр ОБЕРТЫНСКИЙ
РОСТОВ-НА-ДОНУ

Репортаж из Вешенской

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

Писатель М. Алексеев темпераментно защищал имя Шолохова от вымыслов по поводу авторства «Тихого Дона». Может, кому-то показалось странным, что похвальное дело, подлинный пафос ведущего не вызвали ответного энтузиазма людей, собравшихся на станичном стадионе на традиционно пышный концерт. Но дело в том, что в нашей стороне защищать Шолохова — это ломиться в открытую дверь. Где-то там бушуют страсти, о которых слышали и жители Верхнего Дона. Но здесь предмета обсуждения просто не существует, это все равно что люди встретились бы в церкви и вместо молитвы стали обсуждать, есть ли Бог. Всякому и так ясно, что Бог есть, и он создал мир, и за сколько дней. Также всякий знает и про Шолохова, и про то, что сквозь образы Григория, Шукра, Нагульнова и других героев брезжут фигуры реальных, некоторым еще памятных земляков.

В этот день посетители Литературного музея М. А. Шолохова особенно внимательно всматривались в красивые черты Харлампия Ермакова, чья небольшая фотография здесь за стеклом. Судьба этого человека, расстрелянного в 1927 году, была в значительной степени трагична, связан и великий писатель, избравший его главным прототипом мятежного Григория. В промежутке между прошлой и нынешней «Шолоховскими веснами» Х. В. Ермаков в числе других казаков посмертно реабилитирован, так как «не обнаружено осознанного состава преступления против общественного строя».

В субботу вечером на набережной Дона собралось народу видимо-невидимо. Светились гирляндами огней на берегу, качались огни на воде и в руках у певцов. На том берегу испыхнула и отгорела огромная цифра — 85.

А в воскресенье пели, плясали, толпились по центру станицы, перед домом Шолохова, на площади. Народ горделиво похаживал молодцеватых ребят на лошадах, спрашивал в киосках вместе «Моноста» спецвыпуск «Донское слово» и первую газету недавно созданного в Вешенской общества Казачий круг «Донской казак». И удивлялся тому, как много «выпущилось» вдруг молодежи, правильно играющей казачьи песни.

Бывает, срубят дерево, и пенек мертвый стоит годами. Но из какой-то оставшейся живой почки вдруг выбьется росток, и пошло расти дерево снова. Ибитов, уничтоженных донских казачеством одно время, казалось, остался лишь в произведении М. Шолохова, как в единственной живой почке. И вот пошел росток, и вот почему такой радостный и мощный был праздник в Вешках.

Вернувшись в Москву, М. Алексеев, в частности, сказал: «Чувствую, как жалки и беспомощны мои слова, которыми я попытался бы лишь в сотой, да что там сотой, в тысячной мере донести до читателя то, что творилось на берегах тихого Дона в эти дни. К сожалению, слово творилось принимается нами сейчас лишь в негативном смысле — что-то произошло нерадостное. Там же, в станице Вешенской, творилось нечто, сотканное из великой любви, иными словами, рожденное сердцем народа, у которого всегда найдется место для одного ли, для нескольких ли гениев. Полагаю, уместно заметить, что в любую эпоху, в том числе и нашу, гении никогда не мешали друг другу».

Представьте себе, 85-летие М. А. Шолохова вылилось в такой праздник, который, честно говоря, немало повзвизывал наши повзвизывающие души. Казки — донские, кубанские, терские, уральские, якутские, забайкальские — все побывали тут. Народные коллективы приехали из Загреб, из Болгарии, а один югославский профессор-шолоховед 14 лет переводил «Тихий Дон» на свой родной язык — ровно столько, сколько потребовалось Шолохову для создания, может быть, самого великого творения XX века — «Тихого Дона». Рукопись этого перевода была передана семье Шолохова.

Во всем мне подумалось, когда на родном ливане продолжало еще бушевать. Во многих странах, в том числе и у нас, славет великих полководцев. Но, оказывается, можно быть великим завоевателем, не пролив ни капли чужой крови. Вот к таким завоевателям относится наш соотечественник, ныне принадлежащий всему человечеству, — М. А. Шолохов.

Н. СТАЦЕНА,
спец. корр. «ЛГ»
РОСТОВ-НА-ДОНУ,
ВЕШЕНСКОЕ-МОСКВА

М. М. ШОЛОХОВ

РАЗГОВОР С ОТЕЦОМ

КАКТО ВСКРОСИЛИ после XX съезда партии мы втроем — я, мать и отец — сидели, как это часто бывало, в его кабинете и просматривали свежую почту. Отложив в сторону газету, где был помещен какой-то очередной материал, бичующий «культ личности», отец раздумчиво заговорил:

— Помню, в одну из встреч с ним, когда деловая беседа уже закончилась и перед прощанием пошли хорошие вопросы-ответы, о том, о сем, я под разговор возьми да и спроси, зачем, дескать, вы, Иосиф Виссарионович, позволите так безмерно себя превозносить? Славословия, портреты, памятки без числа и где попадал? Ну, что-то там еще лопнуло от услужливых дураков... Он посмотрел на меня с таким незлобивым прищуром, с хитрой такой усмешкой: «Что поделяешь?»

— Отец немудро попытался изобразить грузинский аристократизм, в том смысле, что, по его мнению, я, как человек, совершенно разные люди пошлю. Да еще с охотой. Вожак, одним словом, а не просто спец. И беда, если люди, сами ни черта не понимая в этом деле, и слова вожак не признают.

— А почему же тогда в Европе, в Америке никакого культа не было и нет? И ничего — живут, — перебил я отца.

— Ты что же, ничего не понял? У них, грубо говоря, тот же дореволюционный хутор. В том смысле, что люди и продолжают они жить традиционным укладом. На перестройку в мировом масштабе не замахиваются. Все в рамках привычного, устоявшегося. Вск за себя, все на свой страх и риск. Все успешное-неуспешное зависит от собственной ответственности, предпринимательства, пробной силы. От умения «вертеться», короче. Я сам понимаю, упрощаю все это, но если ты говоришь, что там нет культа, ты ошибаешься. Еще какой! Только культ этот — самого себя. Культ личных интересов, эгоизма. А раз уж удовлетворение любого интереса гарантируется деньгами — культ денег. Ну и так называемого бизнеса, разумеется. Честного-бесчестного, чистого-грязного — лишь бы выгодно. Тут, знаешь, если на минуту пинком кусты, даже не определишь, что хуже: культ личности или культ богатства.

Исповедуя культ денег, они должны за нас Богу молиться. Мы им покажем, что такое Бог. А убои от них внешнего врага, внешнюю опасность, оставь наедине с их деньгами и частными интересами — они же за эти деньги глотки друг другу перегрызут... Жерта Сталина и тех, кто ему служил, хоть сосчитать можно. И счет предвзвешивать — было бы желание. А вот жертв этих самых денег и их служителей... И не сочтешь. И счет не предвзвешивать — никому. И паниковать не ослепнуть. По ком ее слушать-то? По мертвым или по живым? Так что, сынок, культ... Слово мне это не нравится... Вера, лучше сказать, веры у людей никто и никогда отнять не сможет. Без веры человек не человек. Отним у него веру в Бога, он станет верить в царя, в закон, в вожда. В науку, как ты, например. В равенство и братство. В деньги, на худой конец. Да, Господи, во что только не верит человек... Высоко только должна эта вера быть. Возвышающей. Плохо, страшно, когда предает веру мелочник. Мелкая вера — мелкий человек. А высшие духовные ценности можно и в култы возводить. По мне, так и нужно.

Должно. И раз уж они, ценности эти, не сами по себе существуют, а в человеке гнездятся, раз уж только личностно их и может пестовать и поддерживать, то не против культа личности. Вопрос лишь в личности... Кстати сказать, это вы вот, интеллигентные рабочие-крестьянские, это вы лишь считаете, что нашего средневекового образования достаточно, чтобы все под сомнение ставить, кроме собственной, а на самом-то деле позавистованной образованности. А простой человек никогда себя всезнайкой не мнит. Он чаще всего легко признает авторитет другого в том или ином деле. И без оного насилие над собой доверится таким людям. Без этого и хутор существовать не мог бы, не то что страна... «Как надо, так надо. Что положено, то положено» — вот логика простого человека. Жизнь «образованного», а не школьным учебником...

Почему мне вопрос о культе личности представляется главным? Да потому, майтесь сами: а что же еще у нас могло после революции, пошлостью? Вот, скажем: «Вся власть Советам». А кого в Совет? Кто конкретно и над кем должен властвовать? С какой целью? Думаешь, кто-то знал ответ? «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» — вот и все. Но это, милый мой, на плакатах хорошо. На стенку вешать да на митинг таскать. А ты с этим в хутор приди, и живым людям. Рабочие там, понятно, не водились. Крестьяне — показуисты. Сколько хочешь, все — крестьяне. Кто же будет от них депутатом? Если их самих спросить? Да уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

уж, конечно, не дед Шукра. И не Макар с Разметновым, которые и семьи в собственной сложности не могут, в собственных курахнях порядка не наведут. И в хозяйстве они ни черта не смыслят, потому как и не имели его никогда. Казаки им так и скажут: вы, мол, братья, дух связали жрать не разделили, потому что больше одной у вас сроду и не бывало, какие же вы для нас советчики? А яковов лучшей да титков — нельзя. Советские и создавались, чтобы их как вассалы... Вот и оказались самыми подходящими — «солдатские». Кто с оружием в руках завоевал эту власть, тому и властвовать. А они что же... Языками, шапками махать — это да. Агитаторы и рублики, как правило, неплохие. И вообще, может быть, «хорошие ребята», как у Ивана Дзержинского в опере поется. Но чтобы жить по-новому, переделывать, мало бы хорошими ребятами. Строить, хозяйство налаживать... Да если кто-то из них и умел козачество, так... Война, брат, другому учит. И вот расселись эти герои революции по руководящим креслам. И в первую же минуту у каждого из них в голове: а что же делать-то? Знаний-то фактически никаких. Только и оставили войны умение одно — получать приказ и отдавать. И летит хуторской комиссар слова голову к станичному за приказы. А тот, такой же умелый, как он сам, только знанием может, поныне — в область. А тому

веческих бед, меня, типичного эсента, страшно обижало и огорчало подобное отношение отца к науке. Но уже тогда, помню, ему чуть ли не всякий раз удавалось возбудить во мне смутное чувство, что в чем-то он бесконечно прав. Однако вернуться к прерванному разговору.

Вообрази себе на минутку то время. Оный его одним взглядом с высоты птичьего полета, как говорится... Революция. Гражданская война. Гражданская война, она, брат, помимо всего прочего, тем пахнет, что ни победы, ни победителя в ней не бывает... Вот немцы победили. Вернулись победителями домой. Радость, объятия, поцелуи. Праздник, что тут еще сомневаться. Всесоюзный и всенародный. Кто горло хлебнул полной мерой, и те хоть и в слезах, но празднуют. И возьми гражданскую...

У тетки моей, у твоей бабки двоюродной, Ольги Михайловны — четыре сына. Иван, Валентин, Александр и Владимир. Трое — бойцы добровольческой армии, а Валентин — красный. Ну, Сашки с Владимиром в то время на Дону не было, а Иван с Валентином — тут, рядом, по родным бутрам друг за другом гоняются. Выбьют красные белых с хутора, Валентин заскакивает домой, воды попил, не раздеваясь: «Ничего, мать, не горю. Сейчас высплю этой кутре, заживем по-новому». На коню — и хожу! А мать в слезы, волосы на голове рвет! — Иванов-то и запад еще из горницы не выветрился. А через день таким же манером Иван влетает. «Был Валька, подлюка? Ну, попадет...» — поцелует мать, а мать, не много, выбьет вот сволоту эту с нашего Дона, заживем по-старому! Радауйся, мол, родимая маманя. Поцелуй и затрепетай шашкой с крыльца. А мать уже об печь головой бьется... И так ведь не раз, не два. Булановская — пораспрямилась мать, она тебе раскрасит — двенадцать раз в руки рухнуло переключило. Ну да ладно... О чем я говорил-то?

Да, так вот... И приобрели потом с своим разбитым курами да поруганным семьям все, кто ушел. И победители, и побежденные. Иван у Петра хату спалил, всю родню перепорол, пострелял. Петро перед Иваном тоже в долгу не остался, все сполна вернул, еще и с довесом. Нет, нет, это я уже не про твоего дядю Ивана. Те, кроме Сашки, все погибли. Это я уже так, вообще говорю. Возвращались, стало быть, войны. Из ворот в ворота живут, из одного коллода в другой льют, по сколько раз на день глаза друг другу моют... Каково? Хватает воображения? Тут, по-моему, и самого небогатого хватит, чтобы мороз по коже продрал. Вот и воображай дальше... Избрали хуторскую советскую власть. Не хуторяне, конечно. Станичная власть ее избрала. А ту, естественно, областная. Ну и так и далее, как на заказ говорят. И вот сидит эта номабральная власть в атаманской правленческой избе или в экспропрированной хате каково-нибудь хуторского «богача».

А за окном-то неуютно. Больше того, жутковато. Хлебом-солью, как в кино, его не встречали. Через окно, бывает, и постреляют. Будешь ты жадать, когда тебе пулю в лодыжку велят? А то и просто виллами в подмышечном месте? Никакой настоящей мушкетерской жизни не будет. Повесит он нагай набок, чтоб всем виднелось, и пойдет сам врагов искать. И как его определять, врага-то, когда на тебя чуть не каждый второй человек глядит? Да только лишь так: есть, понимаешь ли, подозрение, что Иван может какую-нибудь пакость отмотать. Он и богатенький был — аж две пары быков имел, — и оружие, поговаривают, припрятал, — не сдал. И морда его тебе не нравится. И баба его твоя бабу курвой как-то обзовала... За ведьмами так когда-то гонялись. Скот-то падает? Должен же виноватый быть? Не иначе, как Мака-

риха. И из турков она, говорят. И обличьем — ведьма ведьмой. И как-то ночью выдали люди, как она, сучья, черным кобелем обернулась... Час от часу подозрительнее растет. Подозрительнее — страх. Все сильнее: страх подростка, а подросток, гляди, уже и в уверенность выросло. Остается лишь в «дело» оформить эту подозрительную уверенность, которую тебе нацепила твоя «революционная действительность», на собственном страхе да на ненависти замешанная. И пошло-поехало... И так — каждый хутор. Все города и веси. По всей стране... Мы и до сих пор-то из этой подозрительности выпростаться не можем.

А те, кто не при власти оставались, думал, сидел, молчал? Как бараны, ипалы, когды их на зарез повелут? Нет, брат, тоже и срынались, и болались, и бегали, кто как мог. Вот и разберись тут, кто виноват. А коллективизация? А 33-й год? А дальше? Когда там по вашим учебникам гражданская закончилась? В 20-й? Нет, милый мой, она и сейчас еще идет. Средства только иные. И не думаю, что скоро кончится. Потому что до сих пор у нас что ни мероприятие — то по команде, что ни компания — то для людей, мягко сказать, обиды...

Все эти свои мысли отец включил потом в роман «Они сражались за Родину», в главу, где описывается поездка братьев Стрельцовых на рыбалку. Подозрительные между тремя персонажами, они высказываются, старшим Стрельцовым, директором МТС и «старым охотником дедушкой Сидором» в беседе у рыбачьего костра.

В опубликованных главах романа встреча генерала Стрельцова с директором МТС и разговор между ними, к сожалению, вообще не состоялись. Остался лишь случайный ночной гость, старый охотник. Между прочим, именно он, неграмотный простой пастух, поразил генерала Стрельцова своим здравым умом, острой наблюдательностью и умением точно и точно судить о сложившихся процессах общественной жизни.

Именно он, по воле писателя, обнаруживает сходство между процессами, шедшими в страшные 20—30-е годы, и более отдаленной во времени «охотой на ведьм». Но и это в опубликованные главы не вошло. Из рассуждений старика на эти темы остался лишь небольшой кусочек: «У нас на хуторе один я с простинкой в голове, а остальные все умные, все в полноту вдарены. Вот, к примеру, залезет Иванов на синица, к соседу Петру в огород нашкодит